

«ВОДА/РЕКА» – МАКРОЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ ЮКАГИРОВ

Рассматривается один из основных ландшафтных кодов культурной географии – «вода/река», его анализ позволит понять особенности формирования хозяйственной специфики и духовных ценностей бродячих охотничье-рыболовных племен Восточной Сибири. Территории кочевания этих племен за последние 2 тыс. лет существенно сократились, и в настоящее время Нелемнинский наслег – земли родовой общины «Тэки Одулок» в Верхнеколымском улусе Республики Саха (Якутия) – единственное в своем роде место компактного проживания потомков древнего населения. Для северных кочевников юкагиров (охотников и рыболовов) вода/река имела культуuroобразующее значение: она кормила, помогала перемещаться с места на место, служила ориентиром на местности. Важность водных ресурсов рассматривается в статье через призму этнической истории юкагирского народа. Показано, что современная уникальная культура северных кочевников Верхней Колымы сложилась благодаря двум основным факторам: сохранности гомогенной «кормящей» территории и незначительной трансформации традиционного годового хозяйственного цикла. Природно-климатические условия и полукочевой уклад жизни выработали у этой группы юкагиров устойчивые стереотипы мышления и поведения и определенную систему ценностей и предпочтений. Их пространственные представления формировались под влиянием ландшафта, в частности водной системы территории кочевания. Традиционно в период промысла родовые группы лесных юкагиров длительное время находились в изоляции – такое положение сохранялось вплоть до начала XX в. Подобные условия предполагали разного рода опасности и риски, реальные и воображаемые. При отсутствии дорог в теплое время года и в силу большой заболоченности территории древний ландшафтный код «вода/река» определял кочевнический характер культуры юкагиров. Водная система в представлениях охотников и рыболовов Верхней Колымы запечатлена в духовной и материальной культуре как амбивалентная стихия. В геокультурном пространстве потомков аборигенных северных кочевников концепт «водная стихия» традиционно построен на культурных смыслах, образах и символах. Сегодня присваивающий характер хозяйства лесных юкагиров и сохранение значимости ландшафтного кода «вода/река» позволяют говорить, что в обозримом будущем в культуре этого народа по-прежнему будут присутствовать элементы древних языческих религиозно-мифологических представлений.

Жукова Людмила Николаевна – к. и. н., старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (677027 Якутск, ул. Петровского 1). Эл. почта: zjukova@mail.ru

Статья публикуется в соответствии с планом НИР ИГиИПМНС СО РАН на 2017–2020 гг.

Ключевые слова: Якутия, северные номады, кормящая стихия, гомогенная территория

Ссылка при цитировании: Жукова Л.Н. Вода/река – макроэлемент культурной географии юкагиров // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 288–303.

Территорию современной Якутии охотники на млекопитающих мамонтовой фауны освоили в период верхнего палеолита; по данным археологов самая древняя стоянка плейстоценового человека была заложена около 300 тыс. лет назад. В ранний голоцен – с образованием современного георельефа и особых природно-биологических зон – территории, занимаемые бродячими охотниками северо-востока Азии, приобрели локальные особенности. Ранние этапы этнической истории предков юкагиров исследователи соотносят с раннеголоценовой мезолитической сумнагинской археологической культурой (10 тыс./9,5 тыс. – 6,2 тыс. ± 100 лет назад). Сумнагинскую культуру Якутии Ю.А. Мочанов связывает с Западной Сибирью, на территории которой обнаружены археологические комплексы, где облик каменного инвентаря и техника изготовления орудий на пластинах и микропластинах свидетельствуют о том, что сумнагинская и приенисейские культуры тяготеют к синхронным культурам Урала и Восточной Европы (Мочанов 1977: 250). Сумнагинцы занимали всю территорию современной Якутии, часть сопредельных территорий, а также жили на Аляске.

Особенности климата и рельефа, как и биологические ресурсы региона, определяли хозяйственную специфику и систему духовных ценностей бродячих охотничьих племен. Можно полагать, что уже в то время начали формироваться получившие развитие в последующие исторические периоды основные ландшафтные коды «вода» и «земля» и годовой хозяйственный цикл (ГХЦ).

Обширную площадь Восточной Сибири занимают бассейны рек Оленек, Лена, Яна, Индигирка, Колыма и многочисленные озера, здесь располагается несколько горных систем (наиболее крупные – Верхоянский хребет и хребет Черского), которые с плоскогорьями и нагорьями занимают более двух третей поверхности земли Республики Саха (Якутия). Все это создает рельеф поверхности региона и формирует макрообраз «кормящего ландшафта». При малой населенности Восточная Сибирь представляла собой гомогенную территорию, на которой создавались человеком различные (в зависимости от географических особенностей и природных зон) объекты культурной географии (стоянки, в т.ч. пещерные; мастерские; священные места, в т.ч. с наскальными рисунками, и проч.).

О значимости рек и озер (они служили источником пищи, транспортными путями и ориентирами на местности) свидетельствует «привязка» к ним стоянок древнего человека в лесотаежной зоне Восточной Сибири. Обычно это стратегически выгодные и защищенные от холодных ветров места речных и озерных надпойменных террас, приустьевых мысов. Изучение геолого-географических объектов территории кочевания свидетельствует о том, что обнаруженные на равнинных стоянках каменные орудия и заготовки для них изготавливались из горных пород, выходы которых находились иногда за многие десятки и сотни километров от места обнаружения этих предметов. Возможно, существовали транзитные пешие и водные пути получения сырья/материалов посредством обмена. Редкие сумнагинские изображения животных на плоских скальных породах выполнены красной охрой – это также говорит о знании мест выхода этого природного минерала на поверхность Земли.

«Кормящая» (как источника питания) функция воды дополнялась «транспортной» (для перемещения по территории) и «ориентационной» (по водным объектам определялось положение в реальном и мифопоэтическом пространствах), вода способствовала и оформлению языческой ранней мифоритуальной среды. Карты-схемы с обозначением известных памятников присутствия сумнагинского человека в Якутии показывают освоение территорий бассейнов рек и озер: вдоль береговых линий создавались культовые места с сакральными наскальными изображениями; по ним, предположительно, строились водные маршруты с целью транзита необходимого сырья. Суммируя имеющиеся сведения, мы получаем представление о ранних этапах формирования ландшафтного кода, связанного с водой. Уже тогда «вода» имела положительную (см. выше) и отрицательную коннотации. Последняя складывалась на основе периодических сезонных стихийных бедствий, опасности преодоления человеком водных пространств, риска проникновения воинственных соседей. Амбивалентность в восприятии водной среды, проявляющаяся в ежедневной практической жизни и отраженная в ранней мифопоэтической картине мира, говорит и о специфике представлений, и об особенностях формирования характера древних номадов Восточной Сибири.

Появление лука и стрел, овладение навыками шлифования, пиления и сверления камня, изготовления глиняной посуды внесли некоторые коррективы в восприятие основных ландшафтных кодов неолитическим населением Якутии. Новации технически перевооружали промысловиков и воинов, облегчали быт кочевников. Водная среда не только сохраняла первичную многозначность, множественность ее функций возрастала пропорционально естественному приросту населения и освоению новых территорий. С прибытием (преимущественно в Южную и Центральную Якутию) новых волн переселенцев и, соответственно, с ростом потребностей в пище, одежде, сырье, транспортных средствах увеличивается нагрузка на «кормящий» ландшафт. Наблюдается расширение географии и плотности стоянок неолитического человека и священных мест с рисунками на скальных выходах (*Кочмар* 1994; *Окладников, Запорожская* 1972; *Эверстов* 1980). Основной темой рисунков была охота, изображения служили испрашиванию охотничьей удачи у язычески обожествленной природы.

В неолитическое время мигранты с юга, в особенности из Забайкалья, способствовали метисации населения; в позднем неолите приток древних алтайцев привел к консолидации праюкагирских племен, на что указывает ареал распространения специфического покрова обуви (*Василевич* 1963: 60). Южная граница расселения юкагироязычных племен уходила далеко за пределы территории современной Якутии: в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. отдельные группы пратунгусов могли встретиться с древними юкагирскими племенами в таежных районах Прибайкалья (*Шавкунов* 1990: 174). Юкагирский филолог Г.Н. Курилов пишет:

[В прошлом] существовала целая семья одульских (юкагирских) языков, носители которых составляли семью одулоязычных племен (или народов). Именно эта семья одулоязычных народов – а не один народ – обитала на обширной территории Северо-Востока Азии. При этом отдельные племена данной семьи смешивались с чукчами и эскимосами на востоке, с нганасанами – на западе, с тунгусоязычными и тюркоязычными народами – на юге (*Курилов* 2003: 24).

О названиях географических объектов в Прибайкальском регионе, предположительно имеющих юкагирское происхождение, пишут исследователи

топонимики Северо-Восточной Азии (Бурыкин 2013: 154; Курилов 2013: 5). В цикле юкагирских сказок о древних людоедах местом действия часто является берег моря (Иохельсон 2005а). По-видимому, в неолитическое время большая часть Якутии и отдельные сопредельные территории были населены потомками древних уральцев – кочевыми одулоязычными племенами с «вкраплениями» метисированных разноязычных и разноэтнических групп. В.И. Иохельсон, пионер юкагироведения, исследователь юкагирской культуры конца XIX – начала XX в., участник нескольких научных экспедиций на северо-восток Азии, народоволец, сосланный в Якутскую область, писал: «Древний юкагир, постоянно готовый отражать нападение, сам нападающий на враждебные племена и неуверенный в завтрашнем дне, кочевал с места на место» (Иохельсон 1898: 264).

В период раннего железного века (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.) усилился приток на территорию Якутии переселенцев предположительно из Приамурья (Алексеев 1996) и Северного Приангарья (Константинов 1978; Степанов 2014), о чем свидетельствует появление бронзовых изделий скифского и раннесарматского периодов (Дьяконов, Бравина 2015). Приток в Южную и Центральную Якутию пришлых племен вызывал сопротивление аборигенного населения. О сражениях омоков – одулоязычных племен – с воинами-чужаками, обладавшими железным оружием, и последующем вынужденном уходе омоков на северо-восток Азии сообщает литературная версия исторического предания «Омоки (забытая легенда)», опубликованная в журнале «Якутские зарницы» в 1927 г. (Бтык-Кельский 1927); оригинал предания до сих пор не обнаружен. Публикацию отличают литературный вымысел, исторические и этнографические неточности: так, говорится, что омоки были коневодами, скотоводами и оленеводами, что поражение они потерпели от воинственных якутов, пришедших с юго-востока, которые с «таежных высот Хамар-Дабана, от глубоких таинственных вод Великого моря – Байкала... гнали с собой табуны лошадей». Хотя предание, содержащее массу несоответствий, не является историческим документом (Жукова 2019б), однако нельзя полностью игнорировать его при отсутствии других источников, характеризующих положение аборигенного населения Якутии в раннем железном веке. Попытаемся получить некоторые общие сведения, в особенности касающиеся исследуемого ландшафтного кода «вода/река».

Литературная версия предания повествует об омоках, живших на Средней Лене, в качестве ориентиров указаны Кангаласский камень, Тулагинский мыс, долина Сайсар, оз. Ытык-Кель и гора Чучур-Муран: «Если ты поднимаешься на скалу Кангаласского камня и взглянешь вокруг, если встанешь на шапку Тулагинского мыса и сможешь окинуть на многие тысячи верст своим взглядом тайгу и долины, озера и горы – то и тогда не охватит твой глаз всех тех земель, которыми владели омоки» (Бтык-Кельский 1927: 23). Согласно тексту, территория расселения омоков простиралась от р. Витим (на юге) до побережья Ледовитого океана в междуречье рек Анабар и Колыма (на севере), это подтверждается и научными изысканиями. Исследователь древнеякутской кулун-атахской культуры А.И. Гоголев пишет: «До середины I тыс. н.э. страна Юкагирия занимала, судя по всему, большую часть современной территории Якутии, исключая ее юго-западные территории и часть северо-восточных районов» (Гоголев 2004: 28).

Возможно, в тексте предания слово «омоки» употребляется в качестве собирательного самоназвания юкагирыязычных племен, кочевавших на огромной территории

(аналогично самоназванию якутов – саха), и, по-видимому, равнозначно современному «юкагиры». Омо на языке лесных и тундровых юкагиров означает «народ, племя», «род», а во мн.ч. – омопэ – «люди, говорящие на одном языке» (*Иохельсон* 2005б: 50–51; *Курилов* 2001: 338; *Николаева, Шалугин* 2002: 55). По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в числе юкагиров были называвшие себя «омок».

Предание повествует о том, как в долину Сайсар (часть территории современного г. Якутска) для проведения ежегодного летнего празднества, сопровождаемого обменом продуктами своего труда и промысла и спортивными состязаниями, съехались южные и северные омоки. Племенные названия омоков, кочевавших по рекам Южной, Центральной и Северной Якутии, в легенде не сообщаются. Отметим, что, согласно русским документам XVII–XVIII вв., в Северной Якутии проживали следующие юкагирские племена: олюбенцы, шоромбои, алайи, когимцы, оноиди, анаулы и др. Возможно, некоторые из них являются потомками омоков Южной и Центральной Якутии, откочевавших на север после поражения в борьбе с чужаками. Автор литературной версии сообщает, что после разгрома пришлыми якутами, имевшие только каменное и костяное вооружение омоки, «разбившись на мелкие орды, отступали все дальше и дальше», где их встретил новый враг – «юкагиры, чуванцы, коряки», не желавшие уступать свои «кормящие» территории. Примечательно, что в числе врагов названы северные юкагиры, а также юкагироязычные чуванцы Западной Чукотки. То есть беженцы-омоки были враждебно встречены северными языковыми родственниками окраинной Якутии и Западной Чукотки: принадлежность к одной языковой семье вовсе не предполагает уступку части освоенной «кормящей» территории. К моменту прихода беженцев бассейны рек северо-востока Азии давно были освоены северными юкагирскими племенами, это были территории сезонных кочевков, промысловых, транспортных и меновых маршрутов.

По легенде географическим и духовным центром омоков на Средней Лене были долина Сайсар, оз. Ытык-Кель и гора Чучур-Муран: во время празднества, длившегося десять дней, «весь омокский народ кочевал... в Сайсарской долине, где жили князь и великий шаман»; священное озеро Ытык-Кель отделяло собравшихся от культового места – горы Чучур-Муран. Вершина горы почиталась как «обитель светлого бога омоков», здесь два главных руководителя празднества – князь и шаман – совершали обрядовые обращения к Солнцу. Названия культовых мест свидетельствуют о влиянии якутского языка. Сохранившимся юкагирским топонимом, возможно, является наименование речного мыса на Средней Лене в пределах священной территории – Тулагинский (юк. тулугудэ – «влево, налево», тулугула-абэт – «левый, слева (откуда)» [*Николаева, Шалугин* 2002: 70]). Речной Тулагинский мыс и одноименный современный поселок находятся к северу от г. Якутска, ниже по течению р. Лены, на левом ее берегу.

В соответствии с темой исследования наше внимание привлекла также названная в предании р. Олекма – южный приток р. Лены. В легенде говорится, что первый удар пришельцев принял на себя «самый юный из старших начальников племени» омоков Кумчин, он был отеснен в долину Олекмы, где погиб вместе со своим войском. От горя невеста Кумчина Ойле, дочь князя Вапсурлая, бросилась в р. Лену с Кангаласского мыса, сам старый князь умер от постигшего народ несчастья. На языке лесных юкагиров Өйльэ означает «нет» (Там же: 143) (ср. также: юк. Өйлькиэ – «умереть» [*Курилов* 2001: 353]). От этих юкагирских слов при помощи присоединения сокращенного

формата – *ма* могло произойти название р. Олекма (см. ниже о юкагирской атрибуции древнесибирских гидронимов на – *мба/мбу/мбэ*). Представитель верхнеколымских юкагиров, специалист по северной филологии П.Е. Прокопьева считает, что этимология мужских имен Вапсурлай и Кумчин – не юкагирская. Предполагается, что эти имена могут указывать на присутствие иноэтнического компонента в составе омоков.

О присутствии юкагиров в Южной и Центральной Якутии нет упоминаний в русских документах XVII в. Однако информация о широком расселении одулоязычных племен в этих районах еще до сложения здесь этнически многокомпонентного якутского народа содержится в гидронимах и топонимах региона. Река *Алдан* на языке лесных юкагиров (к настоящему времени сохраняются два диалекта или языка юкагиров: лесной и тундровый; см. об этом: *Курилов* 2001: 4–5), возможно, означает «Нижняя река» (аалбүдэ – «вниз, внизу», -д – соединительный суффикс, -унуу – «река» [*Николаева, Шалугин* 2002: 106]; ср. также: юк. албарэ – «нижняя [по течению реки] сторона» [*Курилов* 2001: 34]; ср.: юк. гидронимы Верхней Колымы Чахадан – «Мерзлая река», Йархадан – «Ледяная река»). У А.А. Бурькина, автора монографического исследования географических названий на северо-востоке Азии, находим: «Пеледуй происходит от юкагирского слова паля “камень”: паля-д-эну(нг)» (*Бурькин* 2013: 178). Исследователь приводит несколько версий происхождения названия «Алдан» (в т.ч. эвенкийское и якутское), сам он склоняется к чукотскому или корякскому: «Есть все основания считать это название не только доякутским, но с большой вероятностью и дотунгусским» (Там же: 180). На географических картах Якутии часто встречается топоним/гидроним Марха, производный от юкагирского мархэ – «ёрник, карликовая береза» (*Николаева, Шалугин* 2002: 41). Гидронимы бассейна р. Вилюй – Мархара и Мархая, – соответствующие юкагирскому морхэнг – «береза», «карликовая береза, ёрник», выявлены А.А. Бурькиным (*Бурькин* 2013: 181).

Ю.Г. Курилов со ссылкой на работы якутского топонимиста Багдарыына Сүлбэ пишет о том, что «на территории Сунтарского, Верхневилуйского, Усть-Алданского, Мирнинского, Намского и Мегино-Кангаласского улусов встречаются топонимы Чона, Чуо-Элэсин, Чуо-Бытык, Чоо». По его предположению, они связаны с юкагирским словом чуо – «железо» (*Курилов* 2013: 23). Название р. Лены он также считает юкагирским (Там же: 24). А.А. Немировский доказывает юкагирскую атрибуцию древнесибирских гидронимов на – *мба/мбу/мбэ*. «Такие гидронимы особенно часто встречаются на правом берегу среднего Енисея... встречаются также на Лене–Алдане–Яне, в единичных случаях – в бассейнах Колымы, Индигирки, одним очагом в Забайкалье; могут быть также еще и от Лены к Охотскому морю и в Приамурье» (*Немировский* 2019а: 51). Юкагирский художник и писатель, автор многих работ краеведческого направления Н.Н. Курилов предлагает свою этимологию топонимических названий Восточной Сибири. Со ссылкой на ряд авторов он суммирует сведения о распространении на территории Якутии топонима *Ярхан/Жархан* (юк. йархэ – «лед»). Топоним «обнаруживается в Верхневилуйском, Нюрбинском, Сунтарском, Вилюйском районах Якутии», а также в Олекминском р-не (*Курилов* 2018: 11–12). Полагаем, что названия рек Яна и Индигирка – юкагирские однокоренные слова. Последнее является кросс-языковым (юк. основа – *инди/янди/янги*, + *-гир* – тунг. форма [ср.: родовые названия *байагир, самагир*], + *-ка* – рус. окончание). Известно, что на правом берегу в нижнем течении Лены проживало юкагирское племя яндинцы/янгинцы – «гусиные люди» (йангэ – «гусь»), по-видимому, давшее название рекам.

Исследования юкагирских гидронимов и топонимов подтверждают географическую и культурную «привязку» аборигенного уралоязычного народа или группы родственных племен к значительной территории Восточной Сибири. Только с уходом большей части омоков со своих «кормящих» территорий из Южной и Центральной Якутии на север и северо-восток Азии мог начаться активный процесс переименования, калькирования, адаптации пришлыми тунгусами, монголами, тюрками прежних географических названий. Об уходе юкагирских племен на северо-восток, в частности в колымскую тундру, свидетельствуют воспоминания жителей Крайнего Севера, хранящиеся в архиве Музея археологии и этнографии РАН (*Березкин* 1939). В записях не называются территории исхода, но сообщается, что юкагиры с «родины вышли с большим багажом военного снаряжения и домашнего инвентаря. У них были боевые шапки, рубахи и стрелы и копья железные и костяные» (Там же. Л. 6). В воспоминаниях есть указание на более позднее время вынужденной смены юкагирами территории кочевания, т.к. говорится, что у них были предметы из металла. По нашему мнению, уход юкагиров из родных мест не мог быть одномоментным, учитывая громадные заселенные ими пространства и периодичность перемещения пришлых племен. Возможно, литературно обработанная легенда и архивные документы указывают на сходные события, произошедшие в разное историческое время.

В литературном предании о переселении омоков последнее пристанище их, превратившихся в полулюдей-полузверей, описывается образно: необитаемый остров в море, ассоциирующийся с местом неподалеку от обители смерти, льда и холода. С другой стороны, уход «по льду в неизвестные дали блестящего снежною пылью студеного моря», обнаружение острова, полного рыбы и дичи, нахождение там новой родины – все это может быть калькой древних повествований о легендарной «заморской» земле за Беринговым проливом, поиски которой стимулировали многие поколения кочевников двигаться на северо-восток Азии (*Жукова* 2019а). В рукописи Н.Н. Березкина, сданной в архив МАЭ в 1939 г., местом поселения беженцев названа колымская тундра, затрагивается в т.ч. тема заселения Колымского округа пришлыми юкагирскими племенами. Автор приводит записанные им от юкагиров верхнего и нижнего течения Колымы, чукчей и якутов нарративы об этом событии. В рассказе-истории омолонского юкагира Г.М. Щербакова в 1921 г. сообщается: «Не обошлось дело без войны и на Колыме. Здесь юкагирский народ нашел чукчей, которые тоже негостеприимно встретили новых пришельцев. И юкагирам пришлось воевать с ними, пока не добились терпимого отношения для соседнего проживания» (*Березкин* 1939: Л. 5). Расселение юкагиров по рекам Омолон, Алазея и Анжуй, притокам р. Колымы, указывает на территориальную привязку к ее низовьям, а часть переселенцев достигла верховьев Колымы (*Немировский* 2019б). Интерес вызывает сообщение о том, что «прежде юкагиры Омолона составляли один Ушканский род. Все люди его с исстари занимаются рыболовством, звероловством и поделкой карбасов» (*Березкин* 1939: Л. 21). Из нижнего течения р. Омолон этот юкагирский род расселился вверх по реке, воевал с чукчами, оказывал помощь корякам. «[Р]азмельчание омолонских стойбищ началось задолго до прихода русских завоевателей» (Там же: Л. 23). Ушканский род занимал территории на Верхней Колыме, о чем писали все исследователи истории и культуры верхнеколымских юкагиров.

Пришлые охотничье-рыболовные родоплеменные группы юкагиров на прежней родине, возможно, вели присваивающее хозяйство, а статусные предметы из металла

получали в обмен на продукты своего промысла у соседних народов, находящихся на стадии ранней государственности. Если предположение о характере хозяйственной деятельности этих юкагирских племен верно, то на новую родину в колымскую тундру и лесотундру беженцы принесли те же выработанные поколениями предков культурные навыки. Это подтверждается, например, занятиями юкагиров Ушканского рода р. Омолон. Ландшафтный код «вода/река» продолжал сохраняться как один из главных культурообразующих кодов.

Громадные пространства тундровой зоны в древности периодически посещались выходящими из лесотундры охотничьими коллективами. Ландшафтные коды аборигенов Северной Якутии, живших по берегам рек, озери протоков, формировались под влиянием циклических миграций дикого оленя: весной – в приморскую тундру, осенью – в обратном направлении, в нагорные лесистые местности. Именно во время переправ многотысячных стад диких оленей через северные реки забивалась значительная часть этих животных. Их мясо и внутренности, наряду с рыбой, были главными продуктами питания. Археологические материалы показывают, что в местах покоев мигрирующих оленей сохранились мощные культурные слои. Эта огромная промысловая ниша, создание и поддержание которой без водных ресурсов было бы невозможно, имела жизненно важное значение как для населения лесотундровой зоны, так и для поселившихся в тундре пришлых юкагиров.

Значимость промысла дикого оленя «на плаву» несколько не снизилась к началу XX в. В неопубликованной статье того же колымского краеведа Н.Н. Березкина, хранящейся в личном архиве историка Г.А. Попова (г. Якутск), указывается, что «[б]ыли случаи, когда 12 охотников с помощью поколюг (подобие копы с древком длиною до 3 м) и ружей в течение одного дня убивали до 345 оленей во время подобных переправ... за 17-летний период времени (1913–1929 гг. включительно. – Л.Ж.) 2824 охотниками убито 78 542 оленя» (*Березкин 1929?*: 3–5). Автор отмечает, что добыча диких оленей обеспечивала население Верхоянского, Устьянского, Аллаиховского, Абыйского, Момского и Колымского районов мясом и одеждой. Таким образом, «кормящая» функция водных ресурсов на севере Якутии превалировала над всеми остальными и, возможно, играла большую роль в жизни населения лесотундры и тундры, чем у охотников на лося лесотаяжной зоны.

В упоминавшейся рукописи Н.Н. Березкина «Юкагиры» из архива МАЭ тунгусы названы преследователями уходящих на северо-восток юкагиров. В 1916 г. информант из Верхоянского округа Д.В. Ефимов рассказывал:

Некогда полоса правого борта р. Лены от Жиганска до устья р. Мая была занята кочующими юкагирами. Шли они куда-то на северо-восток. По пути у них были кровопролитные бои с тунгусами, которые нагоняли юкагиров, кочуя сзади их тоже куда-то на северо-восток. В этих боях юкагиры побеждали и заставляли тунгусов возвращаться назад (*Березкин 1939*: Л. 8).

Информант называет и места боев, известные ему: «...р. Хара-Делон, приток р. Саркырыра, р. Ханнах, приток р. Тумары, р. Догдо, Елереюбют, р. Томпо и р. Нера, приток Индигирки» (Там же).

Рассказ Д.В. Ефимова важен для реконструкции примерного пути отхода юкагиров. Краткий анализ текста показал, что фронт отступления и места боев могли зависеть от ландшафта северо-востока Азии. Крупные реки региона текут на север, с юга на север тянутся и горные системы; передвижение же людей шло преимущественно на

северо-восток. В пути переселенцы встречали множество естественных труднопреодолимых преград. Логично предположить, что пришлые племена, как и соперничавшие между собой юкагиры и тунгусы, перемещались по речным долинам, водоразделам, горным перевалам не вслепую, а пользуясь известными, освоенными еще до них маршрутами. Подтверждением может служить то, что их пути совпадали (тунгусы [верхом на оленях?] «нагоняли юкагиров, кочуя сзади их... юкагиры побеждали и заставляли тунгусов возвращаться назад»). Если широкая линия старта юкагиров охватывала громадную территорию Якутии – от среднего течения р. Алдан до Нижней Лены (Жиганск), то далее – от верхнего до среднего течения рек Яны и Индигирки – фронт сужался. Пути кочевников, огибающих горные системы вдоль Индигирки, вероятно, разделялись: северный маршрут выходил на среднее и нижнее течение Индигирки (современные Абыйский и Аллаиховский улусы Якутии), а затем – в приморские тундры и на нижнюю Колыму; южный – через Оймякон в верховьях Индигирки вел к Верхней Колыме. На «Схеме путей снабжения Северо-Востока» стрелками показаны вьючные, сухопутные и сухопутно-вьючные казенные и торговые пути с середины – конца XVIII в. до начала XX в. (см.: Рис. 1). От г. Якутска на северо-восток тропы не менялись более полутора веков (Молодых 1931, прилож. 1). Южная линия казенного и торгового путей (пути II и III на Рис. 1), соединявших среднее течение р. Лены с верховьями р. Колымы, проходила через названные в исследуемом источнике большие и малые реки. Отсюда напрашивается вывод о том, что места боев юкагиров с тунгусами совпадали с пунктами южного пути, проложенного, по-видимому, кочевыми аборигенными племенами ранее и существовавшего к тому моменту уже многие столетия.

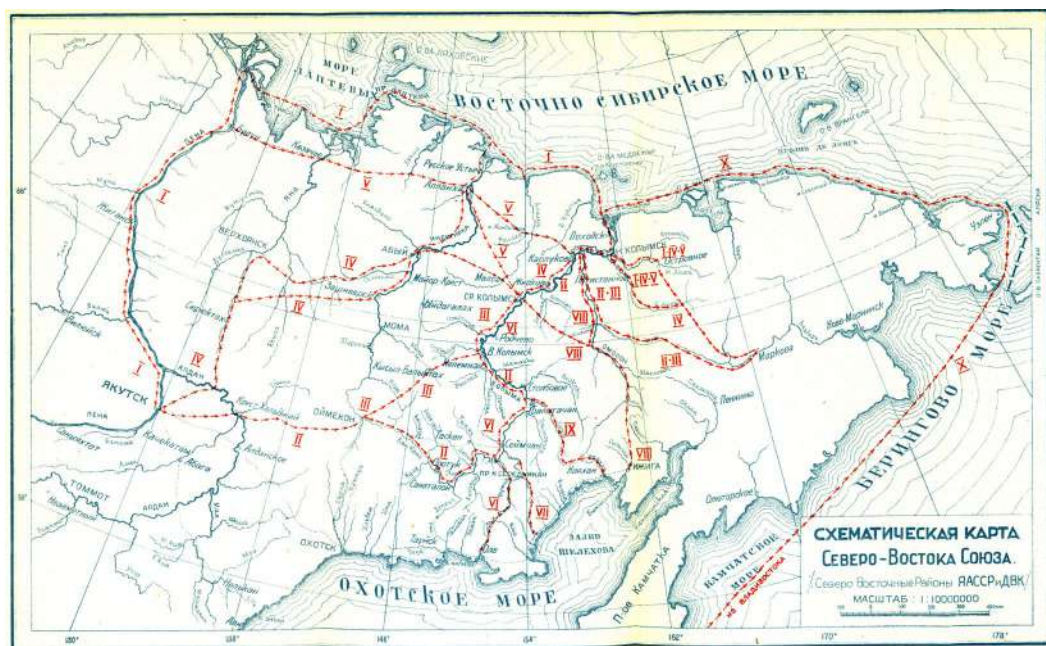

Рис. 1. Схема путей снабжения Северо-Востока (Молодых 1931, прилож. 1).

С середины I тыс. н.э. в раннем Средневековье доля аборигенного слоя в населении Южной и Центральной Якутии, по-видимому, неуклонно снижалась, а в начале II

тыс. н.э. каких-либо крупных родоплеменных образований южных юкагиrow в этом регионе уже не было. К моменту прихода в XVII в. русских казаков на северо-восток Азии юкагиры жили вдоль северных границ Якутии и за ее пределами: по рекам Анабар, Яна, Индигирка, Колыма, Анадырь, в низовьях р. Лены. В.И. Иохельсон писал, что юкагиры Омолойского (от юк. омулуйибоой – «скромный»?) рода нижнего течения Яны «забыли свой родной язык, заимствовав тунгусский, затем вместе с тунгусами они перешли на якутский... Юкагиры Индигирки... ныне испытывают сильное влияние тунгусов» (Иохельсон 2005б: 239). По-видимому, языковая и культурная ассимиляция северных юкагиrow пришлыми народами в I – начале II тыс. н.э. менее всего коснулась охотников и рыболовов Верхней Колымы. В конце XIX – начале XX в. верхнеколымские/лесные юкагиры, называвшие себя унуу омни – «речной народ» (Там же: 548), были кочевыми, сохраняли многие архаические элементы аборигенной культуры, в которой ландшафтный код «вода/река» продолжал играть большую роль. Именно этот древний код при отсутствии грунтовых дорог в теплое время года и большой заболоченности территории определял номадический характер культуры.

По наблюдениям В.И. Иохельсона в ГХЦ верхнеколымских юкагиrow существовали два главных кочевых периода (мидоо): весенний, знаменовавший выход из зимних жилищ в поисках пропитания, – продвижение к месту летнего общеплеменного сбора; и осенний – кочевание в обратном направлении к местам зимовок. Соответственно, были и два периода «без движения» (модо), когда «сидели» на земле – на месте зимовок или летнего празднества (Там же: 487). Продолжительность пребывания в зимних жилищах во многом определялась наличием запасов продуктов, сделанных осенью. Более постоянной была продолжительность летнего модо: он начинался со вскрытия рек (конец мая), когда юкагиры с мест зимовок по притокам верховий р. Колымы спускались на лодках и плотах к месту общего сбора в низовье левого притока р. Ясачной на празднество, знаменовавшее начало нового календарного года, а заканчивался примерно через месяц, когда все разъезжались в очередной мидоо (Спирidonов 1996: 41–42). Во время мидоо семьи преодолевали многокилометровые расстояния, пользуясь исключительно водными средствами передвижения; кочевание сопровождалось большим физическим напряжением и сильными эмоциональными переживаниями. Два главных периода в промыслово-хозяйственной жизни верхнеколымских юкагиrow – кочевание и «сидение» на месте – нашли отражение в традиционных пожеланиях друг другу: «Хорошо ходи» и «Хорошо сиди».

«Дыхание» кочевой культуры тесно связано со сменой сезонов, водной системой и годовым хозяйственным циклом: начало календарного года совпадало с возвращением вверх по реке к местам зимовок, а его конец – с движением вниз по течению реки. Реалии кочевания – философии жизни в дороге (по А.В. Головневу [Головнев 2015]) – это синкретизм накопленных поколениями практических и иррациональных знаний. Эти знания запечатлены в устном народном творчестве юкагиrow р. Ясачной, а особенное отношение к водной среде отражено в обрядовом фольклоре (Жукова 2019в) и песенном искусстве.

Уникальным элементом культуры северных номадов являются юкагирские топографические зарисовки местности, выполненные на бересте. Они использовались для построения маршрутов кочевания и транспортировки грузов, для организации про-

Рис. 2. Карта р. Коркодон с притоками (Иохельсон 2005б).

мысла, обмена и торговли, возможно, для военных и иных целей. В конце XIX – начале XX в. юагиры рисовали на бересте, по выражению В.И. Иохельсона, «примитивные географические карты». На картах этого речного народа показана гидросхема «кормящей» территории с прилегающими к ней землями (см.: Рис. 2). Например, прорисовано русло р. Колымы со многими притоками и озерами и торговые пути через Становой хребет (Иохельсон 2005б: 620, рис. 70а, б).

Юагиры наносят на свои берестяные карты только те места, которые они сами лично видели и хорошо знают. В своих рисунках они обнаруживают ясное понимание расположения рек, озер и гор относительно друг друга, а также знание четырех сторон света... [Карты] помогают неопытному охотнику ориентироваться на местности, главным образом в речных долинах края (Там же: 620–621).

Информационным и коммуникативным целям служили и отдельные планы промысловых угодий с обозначением маршрутов перекочевков, а также мест стоянок, промысла, захоронений, стационарных поселений, церквей и других объектов (Там же: 611–615, рис. 69а, г, д, и).

Некоторые письма-пиктограммы рассказывают об эпизодах летнего и зимнего промыслов (Там же: рис. 69б, в, е–з). Берестяные карты и пиктографические зарисовки (собраны и опубликованы В.И. Иохельсоном) позволяли поддерживать связь между удаленными друг от друга кочевыми группами, они заменяли устные сообщения. Обычно их оставляли на местах стоянок для информирования следом идущей группы родственников. Промысловики в теплое время года в лодках и пешком, зимой на лыжах и на нартах с собаками в поисках добычи преодолевали многие десятки и сотни километров и хорошо ориентировались на местности. Создание этих уникальных памятников северной культуры охотников и рыбаков было вызвано необходимостью сохранения и передачи знаний. Функционирование берестяных карт и пиктограмм у лесных юагиров в конце XIX – начале XX в. было обусловлено кочевым образом жизни, промысловыми потребностями, отсутствием других видов коммуникации в условиях изоляции.

Территориальные притязания пришлых племен, жестокий ясачный гнет, периоды голода и эпидемий, как и переход в повседневном общении на тунгусский и якутский языки, в конце XIX – начале XX в. «запустили» активные процессы аккультурации северных юагиров. В XX в. в советских и постсоветских статистических материалах Якутии значатся только две компактные территориальные группы юагиров, обе – на р. Колыме: в нижнем ее течении проживали тундровые юагиры алаи, занимавшиеся, как и соседние эвены и чукчи, оленеводством, а в верхнем – лесные юагиры одулы (когимэ), зимой и весной охотившиеся на лося, пушного зверя, боровую и перелетную птицу, а

летом и осенью занимавшиеся рыболовством. В конце XX – начале XXI в. появляются и численно увеличиваются юкагирские диаспоры в г. Якутске и населенных пунктах по берегам рек Яна и Индигирка. По переписи населения 2010 г., в Республике Саха (Якутия) проживал 1281 юкагир; родным юкагирский язык назвали 350 человек.

В начале XXI в. одулы р. Ясачной сохраняют сложившиеся еще в древности присваивающий тип хозяйства, родовую общину и общинную территорию, свою ментальность и высокий статус женщины в обществе, а также язычество как форму религиозного сознания; унаследованы от предков и древние приемы промысловой магии. Село Нелемное Верхнеколымского улуса РС(Я) – центр наследной администрации и юкагирской родовой общины «Тэки Одулок»; по данным переписи населения 2010 г., в этом многонациональном селе проживает 177 юкагиров. «Кормящий» ландшафт одулов – это территория родовой общины «Тэки Одулок», поделенная на родовые промысловые участки (земли семейно-родового зимнего промысла пушного и мясного зверя с правом наследования) с находящимися на них хозяйственными и сезонными жилыми строениями. Места рыбного промысла находятся в общинном пользовании, а отдельные богатые рыбой угодья закрепляются за семьями только на определенное время.

Сохраняющийся издревле ГХЦ промысловиков имеет мало точек соприкосновения с традиционными укладами хозяйств соседних народов – якутов, эвенов – и тем более с требованиями современного постиндустриального общества. Взрослое мужское население ведет полукочевой образ жизни: осенью из с. Нелемное охотники выезжают на места промысла пушных зверей (реализация пушнины составляет главный доход семьи), добывают лосей, зайцев для личного потребления и возвращаются в конце зимы – начале весны. Летом с семьями они периодически выезжают на места рыбной ловли, осенью идет массовая заготовка рыбы. В межсезонье промысловикам перепадают случайные заработки. В зависимости от времени года на первый план в жизнедеятельности юкагиров выходит значимость то водной стихии, то стихии земной.

Функционирование такого ГХЦ возможно исключительно благодаря сохранению гомогенной «кормящей» территории. В результате поселкования в советское время народов Севера кочевой образ жизни и его календарный цикл у одулов, известные нам по работам В.И. Йохельсона, подверглись трансформации. Большая часть женского населения юкагиров круглогодично живет в с. Нелемное, летом ненадолго выезжая на места рыбной ловли. Поддерживаемый мужчинами-промысловиками номадический характер культуры существует за счет сохранения и летом, и зимой традиционных промыслов. Фрагментарными стали связи с одулами других притоков верховой Колымы, ныне входящих в Магаданскую область. Тем не менее «вода/река» в самобытной культуре лесных юкагиров р. Ясачной продолжает играть ведущую роль как элемент «кормящего» ландшафта.

Источники и материалы

Березкин 1929? – Березкин Н.Н. *Дикий олень на севере Якутии* (7 л.), 1929? // Личный архив историка Г.А. Попова, хранится у автора статьи Л.Н. Жуковой.

Березкин 1939 – Березкин Н.Н. *Юкагиры* (1939) // Архив МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. № 6.

Ытык-Кельский 1927 – Ытык-Кельский В. *Омоки (забытая легенда)* // Якутские зарницы. 1927. № 1. С. 22–28.

Научная литература

- Алексеев А.Н. *Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья*. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996.
- Бурыкин А.А. *Имена собственные как исторический источник: по материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.
- Василевич Г.М. *Типы обуви народов Сибири* // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XXI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3–64.
- Гоголев А.И. *Этническая история народов Якутии*. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2004.
- Головнев А.В. Арктическая мобильность: технологии и стратегии // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2015. № 4. С. 7–11.
- Дьяконов В.М., Бравина Р.И. Нюрбинский бронзовый кельт (к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла) // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2015. № 4. С. 12–15.
- Жукова Л.Н. Древние миграции в Колымский регион в контексте этнических взаимодействий на северо-востоке Азии // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2019а. № 1. С. 24–30.
- Жукова Л.Н. Кросскультурные контакты в древней истории юкагирского народа // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2019б. № 3. С. 26–40.
- Жукова Л.Н. Ландшафтный код вода/река в обрядовом фольклоре лесных юкагиров и его значение в этнической истории народа // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Эхо арктической Одиссеи», посвященной 100-летию со дня рождения И.С. Гурвича (Якутск, 14–15 ноября 2019 г.). Якутск: Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2019в. С. 12. <https://doi.org/10.25693/Gurvich.2019Jukova>
- Иохельсон В.И. *По рекам Ясачной и Коркодону*. Древний и современный юкагирский быт и письма // Известия Русского географического общества, 1898. Т. 34. Вып. 3. С. 255–290.
- Иохельсон В.И. *Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе*. Якутск: Бичик, 2005а.
- Иохельсон В.И. *Юкагиры и юкагиризированные тунгусы* / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005б.
- Константинов И.В. *Ранний железный век Якутии*. Новосибирск: Наука, 1978.
- Кочмар Н.Н. *Писаницы Якутии*. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1994.
- Курилов Г.Н. *Юкагирско-русский словарь*. Новосибирск: Наука, 2001.
- Курилов Г.Н. *Лексикология современного юкагирского языка*. Новосибирск: Наука, 2003.
- Курилов Н.Н. *Вадул – одул (юкагиров тундры – юкагиров лесных) топонимы. Сибирь и Дальневосточный округ*. Якутск, 2018.
- Курилов Ю.Г. *Юкагирские топонимы северо-востока Азии*. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2013.
- Молодых И.Ф. *Пути, связи и снабжение Колымо-Индигирского края*. Иркутск: Востсибкрайгиз, 1931.
- Мочанов Ю.А. *Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии*. Новосибирск: Наука, 1977.
- Немировский А.А. Предание о приходе предков верхнеколымско-омолонских юкагиров на Колыму в записях Н.Н. Берёзкина // Материалы III Международной научной конференции «Фольклор палеоазиатских народов» / Сост. О.Ю. Хурьёв, Е.В. Намаконова. Южно-Сахалинск: *Пресс Код*, 2019а. С. 148–157.
- Немировский А.А. Юкагирская атрибуция древнесибирских гидронимов на -мба/мбу/мбэ и вопросы этнолингвогенеза // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2019б. № 2. С. 51–57.
- Николаева И.А., Шалугин В.Г. *Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект)*. СПб.: Дрофа, 2002.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. *Петроглифы Средней Лены*. Л.: Наука, 1972.
- Спирidonов Н.И. *(Тэки Одулок) Одулы (юкагиры) Колымского округа*. Якутск: Северовед,

1996.

Степанов А.Д. История исследований железного века Якутии // *Известия лаборатории древних технологий*, 2014. № 2. С. 33–42.

Шавкунов Э.В. *Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока*. М.: Наука, 1990.

Эверстов С.И. Наскальные рисунки Сутуруохи – новый археологический памятник на Индигирке // *Вопросы истории, языка и литературы (Бюллетень научно-технической информации)*. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 3–8.

Zjukova, Ljudmila N.*

Water/River as a Macro-Element of the Yukagir's Cultural Geography

DOI:

The article considers one of the main landscape codes of cultural geography – water/river, which in part determined the specifics of economy and spiritual values of the wandering hunting tribes of Eastern Siberia. The areas of nomadic hunting and fishing tribes of Eastern Siberia have significantly decreased over the past two thousand years, and currently the territory of the Neleminsky National Council and the tribal community “Teki Odulok” in the Verkhnekolymsky region (ulus) of the Republic of Sakha (Yakutia) is the only place of compact residence of descendants of the ancient population. Among the northern nomads – Yukagirs-hunters and fishermen, the water/river landscape code was of a cultural-forming significance; water/river provided food, transport and served as a reference point in space. The significance of water resources is considered in diachronic and synchronous ranges against the background of the ethnic history of the Yukagir people with the involvement of archival and literary data. It is shown that the modern functioning of the unique culture of northern nomad dog breeders in the Upper Kolyma is due to the preservation of a homogeneous feeding territory and a minor transformation of the traditional annual economic cycle. The territorial community, the organization of living space in such climatic conditions and the semi-nomadic way of life have developed stable stereotypes of thinking and behavior; a system of values and preferences for this group of Yukagirs. The understanding of space of the nomad dog breeders reveals the mechanisms of formation and influence of the water/river discourse on various aspects of their activities. Traditionally from antiquity and to the beginning of the 20th century during the period of fishing and nomading on boats and rafts in the warm season, the tribal groups of forest Yukagirs were isolated for a long time. This situation implied various potential dangers and risks, real and mythologized. The ancient landscape code water / river in the absence of dirt roads in the warm season and a large bog area determined the nomadic nature of the culture. The figurative and geographical model of the water universe at the locus of the water hunters and fishermen of the Upper Kolyma is captured in the discourse of spiritual and material culture as an ambivalent element. In the geo-cultural area of the descendants of the aboriginal northern nomads, the concept of the water element is traditionally built on cultural meanings, images and symbols. The appropriating nature of the economy and the longstanding significance of one of the main landscape codes of water/river stimulate the continued existence of ancient pagan religious and mythological representations among the forest Yukagirs in the foreseeable future.

Keywords: Yakutia, northern nomads, feeding element, homogeneous territory

For Citation: Zjukova, L.N. 2021. Water/River as a Macro-Element of the Yukagir's Cultural Geography. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 288–303.

***Zjukova, Ljudmila N.** – PhD, Senior Resercher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the North Siberian Branch of RAS (Yakutsk, Russian Federation).
E-mail: zjukova@mail.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the North Siberian Branch of RAS (Yakutsk, Russian Federation) for 2017–2020 years

References

- Alekseev, A.N. 1996. *Drevniaia Yakutiia: zheleznyi vek i epokha srednevekov'ia* [Ancient Yakutia: The Iron Age and the Middle Ages]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAiE SO RAN.
- Burykin, A.A. 2013. *Imena sobstvennye kak istoricheskii istochnik: po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii i osvoenii Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii XVII–XIX vekov* [Proper Names as a Historical Source: Based on Materials from Russian Documents on the Discovery and Development of Siberia and the Far East of Russia in the 17–19th Centuries]. St. Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Diakonov, V.M., and R.I. Bravina. 2015. Niurbinskii bronzovyi kel't (k voprosu o kul'turnykh svyaziakh Yakutii i sopredel'nykh territorii v epokhu paleometalla) [Nyurba Bronze Celt (on the Issue of Cultural Ties between Yakutia and Adjacent Territories in the Paleometal Age)]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 4: 12–15.
- Everstov, S.I. 1980. Naskal'nye risunki Suturuokhi – novyi arkhologicheskii pamiatnik na Indigirke [Rock Paintings of Suturuokhi – a New Archaeological Site in Indigirka]. *Voprosy istorii, yazyka i literatury (Biulleten' nauchno-tekhnicheskoi informatsii)*, 3–8. Yakutsk: Izdatel'stvo YaF SO AN SSSR.
- Gogolev, A.I. 2004. *Etnicheskaiia istoriia narodov Yakutii* [Ethnic History of the Peoples of Yakutia]. Yakutsk: Izdatel'stvo Yakutskogo universiteta.
- Golovnev, A.V. 2015. Arkticheskaiia mobil'nost': tekhnologii i strategii [Arctic Mobility: Technologies and Strategies]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 4: 7–11.
- Jokhelson, V.I. 2005. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukaghirs and Yukagirized Tungus], translated by V.Kh. Ivanova and Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka.
- Jokhelson, V.I. 1898. Po rekam Yasachnoi i Korkodonu. Drevnii i sovremennyi yukagirskii byt i pis'mena [On the Rivers Yasachnaya and Korkodon: Ancient and Modern Yukagir Life and Writing]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* 34 (3): 255–290.
- Jokhelson, V.I. 2005. *Materialy po izucheniiu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the Study of the Yukagir Language and Folklore Collected in the Kolyma District]. Yakutsk: Bichik.
- Kochmar, N.N. 1994. *Pisanitsy Yakutii* [Petroglyphs of Yakutia]. Novosibirsk. Izdatel'stvo IAiE SO RAN.
- Konstantinov, I.V. 1978. *Rannii zheleznyi vek Yakutii* [The Early Iron Age of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka.
- Kurilov, G.N. 2001. *Yukagirsko-russkii slovar'* [Yukagir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
- Kurilov, G.N. 2003. *Leksikologiya sovremennogo yukagirskogo yazyka* [Lexicology of the Modern Yukagir Language]. Novosibirsk: Nauka.
- Kurilov, N.N. 2018. *Wadul – odul (yukagirov tundry – yukagirov lesnykh) toponimy. Sibir' i Dal'nevostochnyi okrug* [Wadul – Odul (Yukaghir Tundra – Yukaghir Forest) Toponyms: Siberia and the Far Eastern District]. Yakutsk.
- Kurilov, Yu.G. 2013. *Yukagirskie toponimy severo-vostoka Azii* [Yukagir Place Names of Northeast Asia]. Yakutsk: IGIPMNS SO RAN.
- Mochanov, Yu.A. 1977. *Drevneishie etapy zaseleniia chelovekom Severo-Vostochnoi Azii* [The Oldest Stages of Human Settlement in Northeast Asia]. Novosibirsk: Nauka.
- Molodykh, I.F. 1931. *Puti, svyazi i snabzhenie Kolymo-Indigirskogo kraia* [Ways, Communications and Supplies of the Kolyma-Indigirsky Territory]. Irkutsk: Vostsibkraigiz.
- Nemirovskii, A.A. 2019. Predanie o prikhode predkov verkhnekolymsko-omolonskikh yukagirov na Kolymu v zapisiakh N.N. Berezkina [The Legend about the Arrival of the Ancestors of the

- Upper Kolyma-Omolon Yukagirs to Kolyma in the Records of N.N. Berezkina]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Fol'klor paleoaziatskikh narodov»* [Materials of the III International Scientific Conference “Folklore of the Paleoasiatic Peoples”], edited by O.Yu. Khuriyun, E.V. Namakonova, 148–157. Yuzhno-Sakhalinsk: Press Kod.
- Nemirovskii, A.A. 2019. Yukagirskaya atributsiya drevnesibirskikh gidronimov na *-mba/mbu/mbe* i voprosy etnolingvogeneza [Yukagir Attribution of Ancient Siberian Hydronyms to *-mba/mbu/mbe* and Questions of Ethno-Linguogenesis]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 2: 51–57.
- Nikolaeva, I.A., and V.G. Shalugin. 2002. *Slovar' yukagirsko-russkii i russko-yukagirskii (verkhne-kolymskii dialekt)* [Dictionary Yukagir-Russian and Russian-Yukagir (Upper Kolyma Dialect)]. St. Peterburg: Drofa.
- Okladnikov, A.P., and V.D. Zaporozhskaia. 1972. *Petroglify Srednei Leny* [Petroglyphs of the Middle Lena]. Leningrad: Nauka.
- Shavkunov, E.V. 1990. *Kul'tura chzhurchzhenei-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniia tunguskikh narodov Dal'nego Vostoka* [Culture of the Jurchen-Udige of the 12–13th Centuries and the Problem of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East]. Moscow: Nauka.
- Spiridonov, N.I. 1996. *Oduly (yukagiry) Kolymского okruga* [Oduls (Yukagirs) of the Kolyma District]. Yakutsk: Severoved.
- Stepanov, A.D. 2014. Istoriia issledovaniia zheleznogo veka Yakutii [The History of Research of the Iron Age of Yakutia]. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii* 2: 33–42.
- Vasilevich, G.M. 1963. Tipy obuvi narodov Sibiri [Types of Shoes of the Peoples of Siberia]. *Sbornik muzeia antropologii i etnografii* XXI: 3–64. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Zhukova, L.N. 2019. Drevnie migratsii v Kolymskii region v kontekste etnicheskikh vzaimodeistvii na severo-vostoke Azii [Ancient Migrations to the Kolyma Region in the Context of Ethnic Interactions in Northeast Asia]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 1: 24–30.
- Zhukova, L.N. 2019. Krosskul'turnye kontakty v drevnei istorii yukagirskogo naroda [Cross-Cultural Contacts in the Ancient History of the Yukagir People]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 3: 26–40.
- Zhukova, L.N. 2019. Landshaftnyi kod voda/reka v obriadovom fol'klore lesnykh yukagirov i ego znachenie v etnicheskoj istorii naroda [The Water/River Landscape Code in the Ritual Folklore of the Forest Yukagirs and Its Significance in the Ethnic History of the People]. In *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Ekho arkticheskoi Odissei”, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia I.S. Gurvicha (Yakutsk, 14–15 noiabria 2019 g.)* [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Echo of the Arctic Odyssey”, Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of I.S. Gurvich (Yakutsk, November 14–15, 2019)], 12. Yakutsk: Izdatel'stvo IGIIPMNS SO RAN. <https://doi.org/10.25693/Gurvich.2019Jukova>.

© *И.В. Севастьянов*

ТРАДИЦИИ ГОСТЕПРИИМСТВА У КРЯШЕН В СВЕТЕ АВТОЭТНОГРАФИИ*

Статья посвящена анализу особенностей традиции гостеприимства у кряшен, самобытного этноконфессионального сообщества, характеризующегося сочетанием татароязычия и православного вероисповедания. Изыскания автора основываются как на письменных источниках, так и на оригинальных полевых материалах, касающихся преимущественно двух этнографических групп кряшенского населения Республики Татарстан, молькеевской и заказанской, каждая из которых обладает собственной этнокультурной спецификой. Этнографический материал, анализируемый в статье, относится к хронологическому отрезку от рубежа к. XIX – нач. XX вв. до настоящего дня. Ставится задача, во-первых, исследовать проявления гостеприимства в конкретной этнической среде в его функциональных разновидностях; во-вторых, проследить трансформацию этого обычая в условиях современности. Показана саморефлексия автора-исследователя по поводу проблемы взаимовлияния объекта и субъекта изучения (этнографического наблюдения) и роль субъективности в научном постижении иной этнической культуры. Отношения диалога между исследователем и информантом рассматриваются как значимый приоритетный аналитический подход. В этой связи на примере опыта полевой работы в среде кряшенского населения Республики Татарстан выявляется воздействие, которое традиция гостеприимства в ее современном бытовании оказала на полевые исследования ученых-этнологов. Важнейшим ресурсом в процессе работы, по мнению автора, оказались взаимная расположенность и доверие, во многом базирующиеся на обычае гостеприимства.

Ключевые слова: кряшены, тюркология, обычай гостеприимства, культурные трансформации, автоэтнография

Ссылка при цитировании: Севастьянов И.В. Традиции гостеприимства у кряшен в свете автоэтнографии // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 304–316.

Обычай гостеприимства существует у многих народов Евразии. Несмотря на свою глубокую древность (по-видимому уходящую корнями в первобытные времена), этот обычай (институт) продолжает оставаться живым явлением, продолжающим свое бытование и в настоящее время. Универсализм его проявляется в традиционном этикете многих тюркских народов, населяющих такие историко-культурные области как

Севастьянов Иван Владимирович – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: rushd-al@yandex.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН